

После этой битвы Генерал Чжан подвел неутешительные итоги: лагерь недосчитался более двухсот практиков.

Потери оказались неожиданно тяжелыми, и над лагерем нависло мрачное, удручающее безмолвие. Две сотни погибших — не просто сухая цифра в рапорте, а боевые товарищи, с которыми еще вчера делили хлеб и кров.

Опустевшие тропы между палатками говорили об утратах куда красноречивее любых бумаг. Каждое свободное место ранило взгляд своей пустотой.

Цзян Сяочжоу медленно брел в сторону лагеря алхимиков, волоча за собой меч. На лицо упала холодная капля. Он замер, поднял голову и только тогда понял, что начинается дождь.

Практикам непогода не помеха. Сяочжоу привел в движение духовную энергию, создав вокруг себя невидимый барьер, сквозь который не могла пробиться ни одна капля, и ускорил шаг, направляясь к восточной окраине лагеря.

В отличие от затихшего лагеря, у палаток алхимиков царило суматошное оживление. Здесь теснились раненые. Обычно практики способны исцелять себя сами с помощью медитации, однако в условиях непрекращающейся войны дорога каждая минута — бойцы должны были вернуться в строй как можно скорее. Из-за этого на целителей легла колоссальная нагрузка.

Они не только врачевали раны, но и снабжали армию снадобьями, укрепляющими каналы и восстанавливающими силы. Сами они в бой не рвались, выполняя роль поддержки — прямо как целители в играх из его прошлой жизни.

«Похоже, за тридцать тысяч лет континент Цяньюань сильно изменился, но положение алхимиков осталось прежним», — подумал Цзян Сяочжоу.

— Прекрати!

— Остынь!

— Быстрее, позовите Генерала Чжана!

— Что за дерьмо ты мне подсунул?! — взревел ворвавшийся в шатер рослый аскет, чьи бугрившиеся мышцы казались высеченными из гранита. — Мой брат мертв! Сдох! Из-за твоих гребаных пилюль!

Его тяжелый кулак с размаху обрушился на котел, стоявший перед одним из целителей. Бронзовый треножник с гулом отлетел в сторону, начисто сметя собиравшего травы мальчика-слугу — тот отлетел прочь и покатился по земле.

Голос громилы гремел сквозь стену дождя, точно удары боевого барабана.

Подошедший Сяочжоу застал самый пик этой сцены. Аскет безумно вращал налитыми кровью глазами и тяжело дышал. Он весь подобрался, напоминая готового к прыжку хищника.

— Я ведь вытащил его! — прохрипел он, едва сдерживая ярость. — Он должен был жить! Он не заслужил такой смерти! Он столько времени продержался! Он столько спас, так почему никто, твари, не спас его самого?!

Окружающие бойцы отводили взгляды. За века, проведенные в этом проклятом лагере, они успели сблизиться, стать одной семьей, где каждый не раз доверял спину товарищу. Потеря близких была здесь привычным горем, знакомым каждому. Сочувствуя чужой боли, никто из них не решался остановить обезумевшего от горя громилу.

Аскет был охвачен багровым пламенем скорби и слепой ярости. Он навис над целителем. Тот стоял неподвижно — хрупкий, бледный, словно тонкая ветка ивы под ураганным ветром.

Целитель молчал, а затем тихо и равнодушно произнес:

— Жизнь и смерть во власти судьбы. Я сделал все, что мог. Его было не спасти.

Эти слова окончательно сорвали у аскета резьбу. Его аура взметнулась тяжелым валом. Схватив хрупкого алхимика за шиворот, он легко оторвал его от земли и процедил сквозь зубы:

— Ничтожество... Ты ответишь за его жизнь!

В его занесенном кулаке завихрилась плотная духовная энергия. Громила бил в полную силу, ослепленный горем и жадой мести. Удар был страшен и стремителен. Никто из стоявших рядом не успевал вмешаться.

Еще мгновение — и он разmozжит пудовым кулаком лицо целителя. Если этот удар достигнет цели, бедняга в лучшем случае останется калекой.

Время словно замедлило свой ход. Сяочжоу рванулся вперед, задействовав Шаг к Облакам. В этот отчаянный миг у него не было плана — он просто хотел заслонить алхимика собой и принять удар на свой меч.

Но в тот самый миг, когда он почти поравнялся с громилой, пространство пронзил резкий, визгливый аккорд циня. Звук вонзился в разум острой ледяной иглой. Сяочжоу и аскет одновременно застыли, не в силах завершить движение. Даже капли дождя, казалось, зависли в воздухе. Все звуки смолкли, словно неведомая могущественная воля подчинила себе само время и пространство.

Грудь Сяочжоу сдавило, дышать стало трудно. До аскета оставалось всего ничего — протяни руку, но тело отказывалось повиноваться.

И в этой звенящей пустоте сверху скользнула ослепительная белая полоса. Меч Цинь Усиня, холодный и чистый, как первый снег, рассек застывший воздух. Громила испуганно расширил глаза, но уклониться он уже не мог.

Аскет, Сяочжоу, мастер магической музыки и Цинь Усинь — все они действовали одновременно.

В тот миг, когда их траектории должны были пересечься, алхимик недовольно нахмурился. Он небрежно, но с неумолимой быстротой вскинул руку и перехватил запястье удерживающего его громилы. В следующий миг он резко присел, и под его ногами с треском просела земля, оставив глубокие вмятины.

Одним слитным, невероятно мощным круговым движением он рванул руку вверх и швырнул тяжелого, как каменная глыба, аскета через себя. Тот с глухим стуком полетел в грязь, взметнув фонтан грязных брызг.

Раздался отчетливый хруст.

Громила взвыл — кость в предплечье не выдержала нагрузки. Дикая боль мгновенно выветрила из его головы остатки хмельного гнева и безумия.

Все эти события, казалось, заняли вечность, но на деле миновало лишь мгновение. Большинство зевак увидели лишь смазанное движение: громила замахивается, Сяочжоу делает рывок, а затем буйный боец уже летит в грязь.

Из-за этого маневра сияющий лунным светом клинок Цинь Усиня рассек лишь пустоту, оставив на земле глубокую борозду. Сяочжоу, потеряв опору, покачнулся, но целитель вовремя подхватил его под локоть.

Алхимик сжал его предплечье стальными тисками. Сила в этой хрупкой ладони таилась поистине чудовищная.

«Алхимик... И обладает такой мощью?» — изумился Сяочжоу.

Цинь Усинь, заметив его ошеломленный взгляд, решил, что парень попросту перепугался. Опустив меч, он гневно прикрикнул:

— С ума сошел?! Куда ты полез?! Малохольный, это вообще не твое дело! Ты чем думать собирался, когда под удар совался? Мой клинок едва тебя не задел! А если бы я тебя пополам перерубил?!

У самого Цинь Усиня до сих пор бешено колотилось сердце. Он всего лишь хотел остановить разбушевавшегося громилу, и появление Сяочжоу на траектории удара едва не обернулось катастрофой.

— Прости... — пробормотал Сяочжоу. Он прекрасно понимал, чьих рук это дело. Но кто тогда издал тот резкий звук циня?

Сяочжоу огляделся. Чуть поодаль, в стороне от толпы, стоял мастер магической музыки. Он держал свой инструмент наперевес, и его пальцы все еще лежали на дрожащих струнах. Его лицо было мертвенно-бледным, а на тыльной стороне ладоней вздулись синие вены — похоже, то мимолетное вмешательство потребовало от него колоссального напряжения сил.

Поймав взгляд Сяочжоу, музыкант наградил его ледяным взглядом, презрительно фыркнул и отвернулся.

«Выходит, мы втроем бросились на выручку», — мысленно усмехнулся Сяочжоу. Вот только, судя по скрытой силе алхимика, их помощь ему даром была не нужна.

— Генерал Чжан идет!

— Генерал!

Толпа торопливо расступилась. Чжан Линьцзюнь приближался размашистым шагом. Его тяжелый плащ успел потемнеть от влаги — судя по всему, он бежал сюда со всех ног и даже не подумал закрыться от ливня защитным барьером.

Окинув взглядом место происшествия, генерал хмуро спросил:

— Что здесь стряслось?

Окружающие загалдели наперебой. Большинство из них сочувствовали раненому аскету. Видя, что целитель цел и невредим, а громила стонет в грязи со сломанной рукой, люди невольно начали выгораживать своего боевого товарища.

— Генерал Чжан, он же не со зла, просто сдали нервы...

— К тому же целитель цел...

— А вот алхимик мог бы и помягче обойтись...

— Генерал Чжан, простите его на первый раз...

Стоявшие рядом алхимики помрачнели от гнева. Если бы Пуцао не обладал такой силой, на месте этого громалы сейчас лежал бы его труп. Целители сплотились, оскорбленные несправедливостью и предвзятостью воинов.

Пуцао — так звали алхимика, на которого напали — все еще придерживал Сяочжоу за плечо, не спеша отпускать.

Оставив выкрики без внимания, Генерал Чжан повернулся к Сяочжоу:

— А вы трое как здесь оказались?

Сяочжоу осторожно высвободил руку из железной хватки алхимика. От силы, с которой тот его держал, он удивленно приподнял бровь.

Пуцао спокойно разжал пальцы и ровным голосом изложил генералу всю суть конфликта.

Генерал сохранял бесстрашие, но мысленно тяжело вздохнул.

Война затягивалась, намерения Владык Демонов оставались неясными, а в лагере назревал раскол. Если замять это дело или решить его несправедливо, это нанесет удар по боевому духу и окончательно поссорит воинов с алхимиками, от которых зависели их жизни.

Пока он размышлял, поверженный аскет зарыдал, уткнувшись лицом в мокрую землю:

— Это я... я должен был сдохнуть, а не он! Он прикрыл меня от смертельного удара Великого Демона... Я этой жизнью ему обязан!

Слезы градом катились из его глаз, смешиваясь со струями холодного дождя, хлеставшего по лицу. Выглядел он жалко и потерянно.

— Простите... — выл он. — Я просто обезумел от бессилия... Я не смог за него отомстить! Простите меня... Это я должен лежать в могиле, я!

В конце концов Генерал Чжан принял решение. За нарушение дисциплины и учинение беспорядков аскету назначили двести ударов палками. Пуцао же отделался легким выговором ради сохранения формального баланса.

Однако все мысли Сяочжоу теперь крутились вокруг алхимика.

Этот человек обладал поистине грозной мощью. Его познания в закалке тела явно не уступали техникам лучших мастеров ближнего боя.

В древности алхимики действительно могли закалять плоть подобно тому, как выплавляют драгоценные пилюли, но для этого требовались особые, тайные методы. Спустя тридцать тысяч лет их преемники превратились в обычных ремесленников, совершенно не приспособленных к сражениям — древнее искусство физического совершенствования было безвозвратно утеряно.

Сяочжоу заволновался. Физическая сила всегда оставалась его слабым местом. Если бы ему удалось раздобыть эту технику здесь, в прошлом, его шансы выстоять против таких чудовищ, как тот Белокурый, возросли бы многократно.

Эта мысль прочно засела у него в голове. В течение следующего месяца натиск демонов заметно ослабел — казалось, силы врага на исходе. На передовой воцарилось относительное затишье. Лагерь перешел к восстановлению сил, и Сяочжоу проводил дни в своей палатке, размышляя, как подступиться к Пуцао.

Но стоит ли спрашивать напрямую? Станет ли тот делиться столь ценным наследием? Подобные техники всегда оберегались как зеница ока...

— Я рекомендую спросить напрямую. Этот алхимик испытывает к тебе искреннюю признательность. Вероятность того, что он согласится обучить тебя, крайне высока, — внезапно раздался в голове голос Системы.

Сяочжоу вздрогнул. Закрыв глаза, он погрузился в медитацию и перенес сознание в глубины своего разума.

Система обычно вела себя тише воды ниже травы, молча поддерживая стабильность Книги Мира. С чего вдруг она проявила инициативу?

Огромный фолиант в самом центре его духовного моря стал заметно толще. Сяочжоу заворуженно смотрел на него издалека.

— Локация «Долина Бренного Мира» пройдена, — бесстрастно доложила Система. — Прогресс исследования составляет пятьдесят пять процентов.

Сяочжоу помнил, что в Башне Ветра и Песка этот показатель едва дополз до тридцати семи.

— Исследование Долины Бренного Мира разделено на три ключевые ветви: алхимическое искусство, сущность Смысла Бренного Мира и битва с наемными убийцами. За время пребывания там ты практически полностью раскрыл секреты местных целителей и ликвидировал обоих покушавшихся на тебя лазутчиков, что обеспечило столь высокий процент.

Сяочжоу осенило:

— Значит, личность старшего Хунчэньи тоже скрывала важные тайны?

— Именно так.

Сяочжоу невольно вспомнил утонченный, величественный образ великого мастера. Действительно, о его прошлом он знал ничтожно мало. Откуда он пришел? Почему выбрал стезю целителя? Кем был до этого? Сяочжоу никогда не докучал ему подобными вопросами.

Заметив его задумчивость, Система добавила:

— К слову, есть еще одна хорошая новость. Твое пребывание на древнем поле битвы тридцатитысячелетней давности позволило Книге Мира поглотить колоссальный объем хронологических данных. Благодаря подпитке от временной линии структура Книги укрепилась, и теперь я могу задействовать часть резервных ресурсов.

Сяочжоу просиял:

— Значит, ты сможешь отыскать Сяо Юэ?! Он действительно на Острове Семи Звёзд? Тот человек в маске... это точно он? Зачем он напал на Хунчэньи?

Система безжалостно прервала поток его лихорадочных вопросов:

— Доступные ресурсы ушли на разблокировку новой функции, поэтому я не могу предоставить подробностей. Подтвердить удастся лишь одно: практик в одеяниях Острова Семи Звёзд, покинувший Долину Бренного Мира — это твой младший брат, Цзян Цзиньюэ.

«Значит, я не ошибся... Это действительно был он...» — растерянно прошептал Сяочжоу.

Его мысли запутались в клубок противоречивых чувств. Потревоженная эмоциями хозяина Книга Мира зашелестела страницами и раскрылась на главе, описывающей их первое появление в Долине Бренного Мира.

— Главное — он жив... Жив... — как в бреду повторял он одну и ту же фразу.

Система терпеливо ждала, не перебивая. Наконец, когда Сяочжоу немного успокоился, в сознании вновь раздался ее ровный голос:

— Я полагала, новые возможности Системы заинтересуют тебя гораздо сильнее.

Убедившись, что с Цзян Цзиньюэ все в порядке, Сяочжоу почувствовал, как с души свалился огромный камень. Каждый раз, возвращаясь мыслями к трагедии прошлого — когда Секта

Меча Лянъи была стерта с лица земли, Цзян Чангэ и фея Лэчи жестоко убиты, а младший брат пропал без вести, — он ненавидел собственное бессилие. Тогда у него не оставалось иного выбора, кроме как позорно бежать. Он был слишком слаб.

Но это временно.

«Я вернусь. Обязательно вернусь», — мысленно поклялся он себе.

Он вернется, свершит возмездие и на этот раз защитит тех, кто ему дорог.

<http://bllate.org/book/20178/2273827>